

и процесс перевоспитания середняка Никиты Гурьянова, до этого искавшего «земли, где нет коллективизации» (эта линия романа была заимствована и переработана в поэме А. Твардовского «Страна Муравия»).

Безусловно, глубокое знание П. деревенских жителей, ощущение изменчивой фактуры быта положительно сказалось в «Брусках»: превосходны в романе все сцены деревенского отчаянного разгула («Пей, гуляй — одна живем!») и забоя скота в канун коллективизации, талантливо раскрыто поведение бедняка Шленки, выбивающегося из традиционной социологической схемы «подкулачника», живописны мн. фрагменты пейзажной живописи, колоритен и «не облизан», как выразился А. С. Серафимович в статье «О писателях „облизанных“ и „необлизанных“», и массив языковой стихии, передающей жизнь слова в его сказовом, предлитературном, «сыром» состоянии. Но волей обстоятельств П. вынужден был о многом, что происходило в год «великого перелома», говорить на языке схем. Так, коммуне Огнева было противопоставлено «крепкое» хозяйство Кирилла Ждаркина, поддерживаемое кулаком Плакущевым: это была заведомо неорганическая иллюстрация все той же заданной идеи — раскрыть слепоту упрямящего собственника, страховидности кулака. В дальнейшем именно Ждаркин быстро перековывается и становится вожаком масс, как и бедняк Шленка, совершенно неожиданно делающийся секретарем райкома (3-я кн. «Твердой поступью»). Эта «податливость» жизненного материала обедняла роман, делала его эпизм ложным, а любовь к жизни выражалась в разгуле физиологических страстей, в нутряном псевдопсихологизме.

Роман «Бруски» вызвал обоснованную критику мн. писателей, в частности М. Горького, справедливо не принявшего ни засилья натуралистических картин в романе, ни вульгарных языковых новообразований.

В 1930–50-е П.— депутат Верховного Совета СССР, редактор ж. «Октябрь» (в разные годы), создал серию остросюжетных романов **«Борьба за мир»** (1945–47), **«В стране поверженных»** (1948), **«Большое искусство»** (1949), посвященных, условно говоря, войне и миру (т. е. борьбе народа на фронте, труду рабочих в тылу, на Урале и т. п.). Однако эти произведения, несмотря на высокие награды после их публикаций, премии всех степеней, как и подвергшиеся резкой критике за безвкусицу и мелодраматизм произведения писателя — пьеса **«Когда мы красивы»** (1952), роман

«Волга матушка-река» (1953) и др., — не выдержали испытания временем, стали во многом данью «дурному сочинительству».

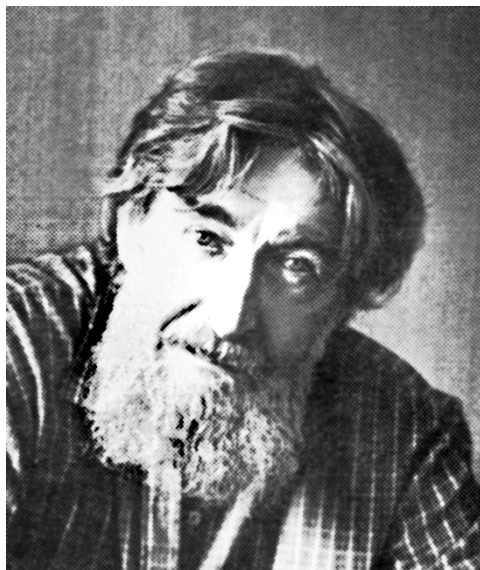
Соч.: СС: в 6 т. М., 1958–59; Бруски: в 4 кн. М., 1928–37; Трилогия: 1. Борьба за мир. М., 1945; 2. В стране поверженных. М., 1948; 3. Большое искусство. М., 1949, 1954.

Лит.: Сурганов Вс. Федор Панферов. М., 1967; Федор Панферов. Воспоминания друзей. М., 1964; Вольпе Л. Ф. И. Панферов // История русской советской литературы. М., 1960. Т. 2.

В. А. Чалмаев

ПАНЧЕНКО Николай Васильевич [9.4.1924, Калуга] — поэт, прозаик, переводчик, публицист.

Родился в семье преподавателя математики, атмосфера в семье способствовала раннему пробуждению творческих способностей. «Еще до школы пристрастился к Пушкину... К тому же времени относятся ранние стихотворные опыты. Поэтическими образами думал, кажется мне, всегда» (из письма). Первая публикация — в местной газ. (1938). Участник Великой Отечественной войны, служил в пехоте, авиации. На передовой вступил в Коммунистическую партию (вышел из ее рядов в 1990). В послевоенные годы редактировал калужскую молодежную газ. «Молодой ленинец», был подвергнут критике за организацию молодежного клуба «Факел», после чего работал на конвейере на заводе ав-

Н. В. Панченко

томотоэлектрооборудования. В качестве редактора областного книжного изд-ва явился инициатором выпуска известного альм. «Тарусские страницы» (1961), за что вновь подвергся критике. С 1961 — в Москве.

Первая книжка стихов — **«Теплынь»** (М., 1958). Широкую известность получила **«Баллада о золе»** («Если порох золой пересыпать, / он не взорвется. / Не будет выстрела. / Пуля застрянет в стволе»), воспринимаемая в традиции революционно-романтических баллад о верности долгу и призыву (под «золой» подразумевались инертные, уклоняющиеся от исполнения гражданского долга люди). При всей яркости и афористичности этого произведения автор никогда более его не перепечатывал, считая, очевидно, трактовку темы чересчур прямолинейной, к тому же, по свидетельству автора, стих. было основательно искажено цензурой. Вместе с тем еще на фронте П. была написана гораздо более органичная (можно сказать: ключевая) для него **«Баллада о расстрелянном сердце»** (1944; впервые опубликована: лишь в 1967, в ж. «Звезда Востока». № 3. С. 77–79). При всем драматизме этого стих. можно сказать, что в значительной мере оно построено на игре слов — двух значений глагола «расстрелять». Можно расстрелять приговоренного к смерти, можно — обойму или боезапас, именно так, поневоле, «расстреливает» свое сердце, убивая других, солдат: «Не свист свинца — в свой каждый выстрел / ты сердца вкладывал кусок. / Ты растерял его, солдат. / Ты расстрелял его, солдат». Как отмечал С. Чупринин, военные стихи П. «прочитывались в одном смысловом и художественно-психологическом контексте с лирикой А. Межирова, Б. Слуцкого, Д. Самойлова, С. Наровчатова, Ю. Левитанского, М. Луконина, с „окопной прозой“ ярко заявивших о себе В. Быкова, Г. Бакланова, Ю. Бондарева, К. Воробьева... Уступая, быть может, некоторым своим сверстникам-поэтам в живописной яркости батальных сцен или в чеканной афористичности художественного обобщения, Николай Панченко как никто, на мой взгляд, силен в рассказе о том, что творилось в душе солдата, в душе юноши, вынужденного быть беспощадным мстителем, но вопреки всему тянувшегося к милосердию, к свету, к целомудренной и чистой любви» (в кн.: Панченко Н. Стихи. М., 1983. С. 5).

Последующие поэтические книги П. (**«Лирическое наступление»**: Стихи и поэмы. Калуга, 1960; **«Обелиски в лесу»**: стихи. М., 1963 и др.) показали, что «расстрелянное» на полях войны сердце сохранило

способность любить и ненавидеть, откликаться на боли и тревоги родной земли, страстно искать истину. Свидетельством тому — одно из лучших стих. П.: «Пусть волны, как волны, / Пусть ветер, как ветер, / Пусть пули в бою, как в бою, / На бронзовой паре своих сорок третьих, / Как вкопанный в землю стою. / И вижу, как беркут, далеко-далеко, / И ведаю суть за враньем: / От мозга и к мозгу большая дорога / Работает ночью и днем. / Мой мир — не растворов, / Мой — крепких эссенций, / Бой, грянув, творит и не ждет. / Но есть у меня беззащитное сердце, / И это меня подведет» (1961).

Изначально в стихах П. значительное место занимает тема природы, взаимоотношений ее с человеком, трактуемых как философская и социальная драма. В сб. **«Зеленая книга»** (1971) и **«Уходит дерево»** (1976) тема эта становится одной из главных. Примечательно стих. **«Лось»** (1963) — о лесном звере, доверчиво вышедшем навстречу человеку: «Дай копыто на прощанье, / не встречайся на пути / и такими, брат, вещами / в наше время не шути». Однако было бы ошибкой зачислять эти и подобные стихи П. по ведомству «экологической» лирики: позиция поэта сложнее и неоднозначней. В стих. **«Егерь»** (1954) правота непримиримого защитника природы от браконьеров и порубщиков отнюдь не абсолютна: «А ему ль не вестать, чем живем? / Только тем, что из лесу крадем». Поэт не выносит окончательного приговора. Жесткость концовки («Цельный парень ходит в егерях. / Лучше бы он помер в лагерях») отчасти «оправдывается» тем, что стих. написано как бы не от имени автора, а от лица жителей окрестных сел. П. «словно бы не доверяет истинам, удобно укладываемым в афоризмы житейской мудрости или в лапидарную стихотворную форму, не торопится с обобщениями и выводами» (С. Чупринин). Мн. его лирические стихи — не исповедь и не проповедь, а скорее заклинание, ворожба: «Люби меня тихо и грустно, / пока за порогом темно, / любить, как болеть — безыскусно / никто не умеет давно... / А в этой больничной одежде, / где я и четыре угла, — / люби меня просто, как прежде, / когда не любить не могла».

В своем творчестве П. обращается к различным поэтическим формам, от сонета до верлибра. Верлибром (иногда — мягко ритмизованным, с возникающими спорадически рифмами) написано большинство его поэм, в т. ч. и наиболее значительная из них — **«Белое диво, или сон над Угрой-рекой»** (1979), посвященная историческому собы-

тию — «стоянию на Угре», которым закончилось татаро-монгольское иго на Руси: «Достоялись до снега, на который не пролило крови, / Достоялись до света, до мира».

Прозаические произведения П. отдельными изданиями не выходили. Немногочисленные публикации — в периодике, в основном периферийной: рассказы «**Друг человечества**» в ж. «Звезда Востока» (Ташкент. 1966. № 1), «**Сектант**» из цикла «**Зона пустыни**» в газ. «Провинция-информ» (Калуга. 1992. 24–30 марта), «**Конец Федотова**» в ж. «День и ночь» (Красноярск. 1994. № 5). Значительным фактом своего творческого пути П. считает статью «**Какой свободой мы располагали**» — послесл. к книге воспоминаний Н. Мандельштам (М., 1989; во 2-м изд. той же книги статья опубликована как предисл.).

П. — один из основателей движения демократически настроенных литераторов «Апрель». В его стихах времен «перестройки» формулировки обнаженно публицистичны, максималистски бескомпромиссны: «Не приведи господь, что было... / И продолжается, пока / В ладони черствой мужика / Не отогреется земляца, / Пока промозглая столица / Безмозглый труп большевика / Не устранил, предав земле...» («**Памяти Верховного Совета**», 1993).

Поэзия П. имеет свой, может быть, не очень широкий, но преданный и по-своему пристрастный круг ценителей и почитателей: «...Полтора-два десятка великих стихотворений П. написал точно, а порой и строчки хватает, чтобы остаться в истории литературы» (Л. Жуховицкий, в разделе «Говорят читатели» книги П. «**Живу во глубине России**». М., 1999).

Соч.: Остылый уголь: стихи. М., 1981; Стихи. М., 1983; Белое диво: стихи. М., 1985; Избранное: стихи и поэмы. М., 1988; Осенний шум: стихи. М., 1990; Горячий след: Новая книга стихотворений. М., 1994.

Переводы: Лордкипанидзе З. Бегут волны Мтквари: стихи: пер. с грузинского. М., 1974; Джаня Б. Моя близкая даль: стихи: пер. с армянского. М., 1977; Байрамов Н. Чудо в пустыне: стихи: пер. с туркменского. М., 1978; Лифшиц М. Дождь и солнце: стихи: пер. с еврейского. М., 1981; Кацев А. Доброе слово: стихи: пер. с еврейского. М., 1981.

Лит.: Постникова О. Любить и верить сполна // Панченко Н. Избранное. М., 1988; Бялосинская Н. Войти в твоё, Вселенная, течение... // Охота и охотничье хозяйство. 1989. № 5; Поженян Г. Не бойся, если упрекнул... // Лит. газ. 1990. 18 апр.; Славецкий В. Урок противоречья // Лит. обозрение. 1990. № 8; Поженян Г. В толпе все кто-нибудь поет... // Лит. газ. 1993. 14 апр.; Бек Т. Поэты и стихи почти всегда некстати... // Лит. газ.

1994. 27 июля; Ковальджи К. Николай Панченко: Будет болью моей ваше сердце болеть... // Лит. новости. 1994. Апр., май (№ 9–10); Жуховицкий Л. Мои поэты. Николай Панченко // Книжное обозрение. 1995. 20 июня; Казак В. Панченко Николай // Лексикон русской лит-ры XX в. М., 1996. С. 304; Аронов А. Из немоты // Московский комсомолец. 1996. 25 апр.; Бирюков С. Склика дикие глаголы // Стрелец: альм. Нью-Йорк. 1997. № 1; Ревич А. Я не болезнь, я боль твоя, Россия... // Лит. газ. 1997. 12 марта; Коробов В. Ложиться в борозду от плуга... // Книжное обозрение. 1999. 29 нояб. Постникова О. Панченко Николай Васильевич // Русские писатели XX в.: биографический словарь. М., 2000.

И. О. Фояков

ПАРНОК Софья (настоящее имя Софья Яковлевна Парнах) [30.7(12.8).1885, Таганрог — 26.8.1933, с. Каринское Московской обл.] — поэт, переводчик, критик.

Родилась в семье провизора. После ранней смерти матери отроческие и юношеские годы П. были омрачены постоянными конфликтами с мачехой. Семейное неблагополучие, обида на отца повлияли на формирование натуры П., предопределив ее последующее «мужененавистничество» и открытую гомоэротическую направленность.

После окончания с золотой медалью Таганрогской Марининской женской гимназии П. уезжает в Женеву для продолжения образования в Женевской консерватории. Здесь П. знакомится с русскими политическими

С. Я. Парнок